

О.Н.Кен

"Работа по истории" и стратегия авторитаризма, 1935-1937 гг.

Историческое исследование проблемы преодоления тоталитарных тенденций развивалось по нескольким направлениям. Общим для них является представление о том, что возможности ограничения или опрокидывания тоталитарных тенденций в середине 1930-х годов следует искать среди социальных групп или группировок в среде советской элиты, которые обнаружили свое несогласие со сталинским руководством и продемократические симпатии. В данной работе рассматриваются попытки сформулировать стратегию авторитаризма, которые предпринимались в окружении Сталина и некоторое время пользовались его поддержкой.

***

"Работа по истории"

В феврале 1937 г. А. И. Рыков рассказывал пленуму ЦК ВКП(б) о своей короткой встрече с К. Радеком, происшедшей двумя годами ранее. Радек "хвастался своей необычайной близостью" к Сталину¹, и говорил, что "Сталин очень заинтересовался порученной ему работой по истории"². Результатом этой работы явилась книга Е. В. Тарле "Наполеон". Ее "первым читателем" пожелал быть Сталин³, наблюдение над подготовкой книги было поручено заведующему Бюро международной информации ЦК ВКП(б) Карлу Радеку, у которого еще в 1932 г. сложились доверительные отношения с Тарле⁴. Тот факт, что задание было возложено на Тарле, который, "как известно, никогда не был марксистом"⁵, отражало осторожно высказывавшееся Сталиным разочарование в марксизме как средстве осмысления реальности и легитимизации власти⁶ и стремление расширить круг традиций и идей, способных выполнить эту роль в эпоху завершения строительства социализма в одной стране⁷.

Сочинение Тарле вышло в свет в начале лета 1936 г. и было "почти единодушно воспринято современниками как шедевр"⁸. "Известия", одним из руководителей которых был К. Радек⁹, произвели Тарле в ранг авторитета по "историческим параллелям"¹⁰. Первое издание "Наполеона" откликлось на ключевые для правящей элиты и нерешенные ею вопросы о способах окончания двадцатилетней революционной трансформации¹¹, достижения общественной стабильности¹² и консолидации¹³, об обеспечении централизации и эффективности аппарата власти¹⁴.

В освещении Тарле "Наполеон" выступает как законный наследник революции, как человек, призванный историей спасти все то из завоеваний революции, что обладало жизнеспособностью и могло быть сохранено"¹⁵: то, "что было сделано революцией", "худо ли, хорошо ли, хотя и мало – было удержано Наполеоном"¹⁶. Неизбежность и благотворность окончания революции личной диктатурой подкреплялась всем характером изложения и цитированием (с учетом разности читательских вкусов) как юного Энгельса, так и канцлера Бюлова¹⁷. В герое книги соединились черты прирожденного самодержца и "сына революции"¹⁸.

Образ правления "первого французского императора" был представлен как реализация принципов эффективности власти, индифферентной к общественной морали, и следование правилу: "ни одной бесцельной жестокости – и совсем беспощадный массовый террор, реки крови, горы трупов, если это политически целесообразно"¹⁹. При этом описанная Тарле практика наполеоновского властвования обнаруживала патерналистскую широту.²⁰ "Зоркая требовательность" сочеталась у героя книги с "непрерывной тяжкой работой без праздников и передышки", меры по дисциплинированию и строгой централизации государственного аппарата приносили желанные плоды: "отчетность и контроль

в каждом ведомстве был организован так, что каждый казенный грош должен был быть на точном и явственном учете", и "в конечном счете воровства стало гораздо меньше"²¹.

Таким образом, соединяя защиту завоеваний революции с изгнанием всякой общественной самодеятельности, власть обеспечила себе поддержку со стороны всех основных социальных сил, прежде всего крестьянства²²; симпатии простого народа – рабочих, ремесленников, крестьян, солдат сопровождали Наполеона от Маренго до "Ста дней"²³.

В книге Тарле-Радека выразилась концепция Государя, в рамках которой не оставалось места для правящей партии и теорий переустройства общества. Как известно, "особенностью отличающей тоталитаризм от авторитаризма, диктатуры или деспотии является *определенный тип сочленения террора и позитивного функционирования идеологии*" (К. Керстен)²⁴. Герой книги, как отметила враждебная критика, "реальный политик, он отбрасывает крайности всяких утопистов времен якобинской диктатуры"²⁵. Повествование о Наполеоне не только раскрывало чаяния заказчика, но и воспроизводило некоторые важные его черты²⁶. Очевидным (и взрывоопасным) политическим замыслом "Наполеона", равно как и высоким покровительством ему, вероятно, объясняется молчание, которым обошла это сочинение советская печать²⁷. Вскоре Карл Радек оказался в центре современной политической бури с историческим подтекстом.

"История и современность"

В середине 1930-х гг. советское руководство осознанно стремилось предотвратить появление самой мысли о возможности формулирования нового подхода к совокупности проблем советского общества (что означало бы и косвенное признание несовершенства принятой стратегии)²⁸. Этот подход строго соблюдался при подготовке, ведении и пропагандистском сопровождении процесса над "троцкистско-зиновьевским террористическим центром" (19-22 августа 1936 г.). Согласно "Обвинительному заключению", было "с несомненностью установлено, что единственным мотивом" его организации "явилось стремление во что бы то ни стало захватить власть", а лидеры "центра" не имели "на руках никакой политической программы"²⁹.

Эти утверждения были поставлены под сомнение в появившейся в разгар процесса статье К. Радека. Изложив официальную версию, которой следовали и обвиняемые, он заявлял: "Но это все есть маска, игра в романтику, игра в театральные злодеи. Теперь век пара, электричества, радио, типографского станка. Люди не идут как целое направление, как целая организация на убийства во имя голого честолюбия, тем более не делают этого люди, съевшие зубы на политике"³⁰. Толчком к выступлению Радека, стало обвинение, публично прозвучавшее 20 августа, когда при допросе Каменева и Мрачковского выяснилось, что роль запасного центра, созданного на случай провала "руководящей группы", "со стороны троцкистов" могли наряду с Сокольниковым "с успехом выполнить Серебряков и Радек"³¹. Выдвижение этого обвинения означало, что Сталиным принято решение отказаться в дальнейшем от услуг Радека и предпринимавшихся им концептуальных политических усилий ("работа по истории", подготовка Конституции и др.)³². Превратившись из близкого сотрудника Сталина в единственного оставшегося на свободе представителя троцкизма в руководстве террористического блока, Радек оказался перед выбором: подобно Каменеву "погибать именно как бандит[у] без политической программы"³³ или во всеуслышание заявить о возможности иной политической стратегии, нежели берущая верх линия партии.

Тезис Радека о политической мотивированности "террористической деятельности" был встречен в штыки³⁴, но с середины сентября постепенно утвердился в деятельности пропагандистских служб и репрессивных органов³⁵. "Новая политическая программа" бывших оппозиционеров стала стержнем второго открытого процесса (январь 1937 г.), а его главным действующим лицом – арестованной в середине сентября К. Радек.

Концепция, представленная на процессе "антисоветского троцкистского блока" действительно являлась сочетанием экономической политики, предложенной Троцким и его

единомышленниками в 1932 г.³⁶, и "антисоветского" политического переустройства на началах бонапартизма, волю к которому он приписывал Сталину³⁷. Обвиняемые признались в намерениях отказаться "от курса на непосредственное социалистическое строительство" и предложить стране "восстановление индивидуального сектора, если не во всем сельском хозяйстве, то в значительной его части", "допущение иностранного капитала" и "частного капитала в городе"³⁸, что увязывалось с возрождением механизмом конкуренции и дисциплинированием новых масс рабочих³⁹. В этих условиях государство утрачивало свое всевластие и должно было опереться на баланс различных общественных сил, "лавируя известным образом между различными классами, опираясь на одних против других"⁴⁰. В марксистской традиции такая политика прочно ассоциировалась с бонапартизмом, и обвиняемые подтвердили, что имели в виду именно этот образец – но не бонапартизм Второй империи, а опыт душеприказчика великой революции: "Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию. Наполеон I был не реставрацией – реставрация пришла позже, а это было попыткой сохранить главные завоевания революции, то, что можно было из революции сохранить"⁴¹. Заявление Радека о необходимости продумать "аналогию с властью Наполеона I" несомненно отражало обстоятельства, приведшие к появлению книги Тарле и надежды, связанные с продвижением Сталина по пути современного цезаризма. Возможно, именно крах этих надежд имел в виду Радек, заканчивая свое последнее слово: "Мы до конца осознали, орудием каких исторических сил были"⁴².

"Против фальсификации истории"

Изложение подсудимыми Радеком и Сокольниковым стратегии общественной нормализации на основе политического авторитаризма означало дезавуирование ее пригодности для советской политической элиты, а согласие Сталина со сценарием январского процесса – его отказ от "наполеоновских" замыслов. Для партийной политической верхушки форма этого отказа представлялась, вероятно, недостаточно категоричной⁴³. Этим можно объяснить тот нетривиальный факт, что поворот к массовой антибюрократической мобилизации, усилению террора и присутствия партии в общественной жизни, происшедший на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. сопровождался особым историческим экскурсом. В своем докладе 3 марта Сталин дал определение "наполеоновского правительства" как "буржуазного правительства, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии"⁴⁴, и тем самым дезавуировал возможные обвинения в вынашивании бонапартистских замыслов.

Круг замкнулся, когда три месяца спустя Партия и Государство в лице своих ведущих газет, обрушились на историко-политическую концепцию "Наполеона"⁴⁵. В погромных статьях были подмечены идеологичность книги Тарле, присутствие в ней "радековских взглядов", "недомолвок и намеков, аналогий и сравнений". Особенно гневно комментировалось "возвеличение Наполеона" и принижение его сподвижников, старых боевых товарищей: "Автор сам указывает, что Наполеон умел подбирать себе помощниками по военной, государственной и дипломатической части исключительно талантливых людей. Как работали эти люди? Неизвестно. На всем протяжении книги мы видим лишь пешек в руках первого консула, позднее императора". Точно так же обойдено в книге молчанием и функционирование механизма управления, скорбел "рецензент" и заключал: "Все это неизвестно, все это поглощено образом цезаря, гиганта, сверхчеловека."⁴⁶ Эти lamentации могут быть осмыслены в русле наблюдений Х. Арендт над характерным для тоталитаризма уничтожением дистанции между управляющими и управляемыми, функционированием лидера как чиновника от масс, который также зависит от их воли (которую его поведение воплощает), как и он от них⁴⁷. "Концепция цезаризма" подлежала поэтому истреблению в пользу оценок, вытекавших из сталинского доклада 3 марта, что в значительной мере было исполнено Тарле при подготовке второго издания "Наполеона".

Оно, в частности, предостерегало об опасностях "наполеоновской легенды", уже принесшей так много зла в прошлом"⁴⁸.

***

В 1935-первой половине 1936 гг., в период временной стабилизации режима и равновесия сил, в окружении Сталина и при его поддержке обдумывался вариант трансформации режима в направлении авторитаризма, пересмотра "тоталитарной" стратегии 1929 г. История революций совпадала в этом пункте с российской политической традицией, настроения в пользу "умеренности" и "либерализации" – с личным властолюбием Сталина. Решающее значение имела, однако, нерешенность задачи эффективной консолидации государства и общества.

"Большим скачком" первой пятилетки роль партии как средства мобилизации сил, обеспечения модернизации страны была исчерпана. Способность ВКП(б) обеспечивать решение текущих задач управления и контроля в 1930-е гг. разочаровывала⁴⁹. ИмPLICITно заложенное в понятии бонапартизма падение значимости правящей партии обещало не только повысить корпоративность и управляемость нижних этажей бюрократии, но и уничтожить одну из основ формирования местных кланов – участие партийных, государственных и хозяйственных кадров в партийной организации и вызванную этим их взаимозависимость. Руководству центральных органов власти девальвация роли партии обещала освобождение от несанкционированного диктатором вмешательства⁵⁰ (при более ясной, иерархической зависимости от него). Отказ от рудиментов революционного прошлого должен был способствовать формированию обстановки национального согласия и примирения недавних противников – подобно тому, как объединились вокруг задачи "наполеонизации" Сталина бывший ссыльный троцкист и бывший заключенный либерал.

Поражение сформулированной ими концепции не означало исчезновения обстоятельств, подталкивавших правящий режим к эволюции в направлении авторитаризма, однако эта тенденция оказалась вплетена в ткань тоталитарно ориентированного социально-политического организма⁵¹

¹ В пользу этого заявления свидетельствует не только ведущее место в политической публицистике, которое к середине 1936 г. занял Радек, но и выдвижение его по инициативе Сталина на пост заведующего специально создаваемого Информационного бюро по международным вопросам (впоследствии – Бюро международной информации) (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 878. Л. 5). Бюро было организовано "при ЦК" и тем самым выводилось из сферы компетенции Отделов Центрального комитета и замыкалось на Генерального секретаря. Единственное (в 30-е гг.) выступление Радека на Политбюро отмечено как доклад "т. Сталина, Радека" по вопросу "сообщение т. Сталина" (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 882. Л. 1). В 1933 г. Радек, в обход Политбюро, был наделен полномочиями личного эмиссара Сталина на переговорах с Польшей (См. Boguslaw Medziński. Droga do Moskwy // Kultura. 1963. N 188. Str. 84, 86; idem. Pakty Wilanowskie // Kultura. 1963. N 189-190. Str. 119).

² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1992. N 6-7. С. 12.

³ В. А. Дунаевский, Е. И. Чапкевич. Е. В. Тарле и его книга о Наполеоне // Е. В. Тарле. Наполеон. М.: Пресса, 1992. С. 575.

⁴ Б. С. Каганович. Е. В. Тарле и петербургская школа историков. Спб., 1995. С. 49-50. Рыков вспоминал, что упомянутый им разговор с Радеком произошел на "последнем дипломатическом приеме, на котором я был, я не помню – Бек, Иден... Это было в 1935 г...". Бек посетил Москву в феврале 1934 г., А. Иден – в конце марта 1935 г., что позволяет точно датировать беседу Радека с Рыковым. Характерно, что эта дата совпадает со временем, когда Тарле получил задание Кремля подготовить книгу о Наполеоне и принялся за нее (В. А. Дунаевский, Е. И. Чапкевич: Указ. соч. С. 575-576). Приподнятое настроение и уверенность в полном взаимопонимании со Сталиным, которые Рыков заметил в словах Радека, могли быть вызваны этим решением.

В середине 1930-х гг. Радек "очень часто встречался" и с другим историком французской революции – автором биографии Дантона (1934, 1935) Г. С. Фридляндом (Процесс по делу антисоветского троцкистского блока (23-30 января 1937 г.) М., 1937 (далее – Процесс). С. 230). К Фридлянду благоволил

Тарле, они нередко общались в доме Г. С. Сокольникова – "партнера" Радека на процессе 1937 г. (Г. И. Серебрякова. Собр. соч. Т. 6. М., 1980. С. 79-80).

⁵ От редакции // Правда. 11.6.1937.

⁶ "И у Энгельса не все правильно. В его замечаниях об Эрфуртской программе есть местечко насчет вращающегося в социализм", – говорил Сталин на заседании президиума Коммунистической академии в начале 1930-х гг. (В. Г. Роговин. Власть и оппозиция. М., 1993. С.252). В августе 1934 г. он направил членам Политбюро и редколлегии "Большевика" возражения против публикации "в нашем боевом органе" статьи Энгельса "Внешняя политика русского царизма". (РЦХИДНИ, ф.17, оп.3, д.950, прил. 1, 2 к п.117 протокола ПБ N 12 от 16.8.1934; И. Сталин. О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма" // Большевик. 1941. № 9)). Снисходительное сожаление по поводу ограниченности основателей учения становилось признаком хорошего тона и вызванный на XVII съезд в качестве кающегося оппозиционера, Преображенский мог спокойно констатировать: "Вы знаете, что ни Маркс, ни Энгельс, которые очень много писали по вопросам социализма в деревне, не представляли себе конкретно, как совершится переворот в деревне. Вы знаете, что Энгельс был склонен думать, что это будет довольно длительный эволюционный процесс" (XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 238).

⁷ Наряду с обращением к российскому прошлому, советская элита задумывалась над непривычными для революционного марксизма аспектами Великой французской революции. "В те годы все мы запоем читали "Талейрана" Тарле и "Фуше" Цвейга, и Сванидзе не раз цитировал эти книги", – свидетельствовала Г. И. Серебрякова (Г. Серебрякова. Смерч. // Смерч. Сборник. М., 1988. С. 258). В этом смысловом ряду может быть понято и введение в 1935 г. маршальских званий (как утверждает Л. Норд, – по предложению Сталина (Л. Норд. Маршал Тухачевский // Возрождение. Т.67. С.128.)).

⁸ Б. С. Каганович. Указ. соч. С. 60.

⁹ Радек был назначен на должность члена редколлегии "Известий" 24 августа 1930 г. и оставался им до сентября 1936 г. С 15 августа 1932 г. ему была, "согласно личной просьбе[,] прекращена выплата жалованья" (очевидно, в связи с тем, что основной деятельностью Радека с весны-лета 1932 г. стала негласная работа в ЦК) (Архив издательства "Известия").

¹⁰ Первая из двух статей, вышедших под общим (и более, чем двусмысленным) названием "Исторические параллели", рассказывала о функционировании всеобщего избирательного права при Луи-Наполеоне. Тарле особо отмечал присутствие в проекте Конституции положения о референдуме (который он также именовал плебисцитом). Вероятно в расчете на подготовленного читателя, Тарле напомнил о якобинском обещании ввести всеобщую подачу голосов, но не о его исполнении Наполеоном Бонапартом (Е. Тарле. Исторические параллели: Избирательная система у нас и на Западе // Известия. 12.8.36).

¹¹ Новая конституция, подготовка которой была начата одновременно с выдачей Тарле заказа на "Наполеона" и проект которой был обнародован в те же дни, что и эта книга, рассматривалась как "законодательное закрепление победы социализма": "В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед" (И. В. Сталин. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 561, 572).

¹² Там же. С. 568, 569.

¹³ Сталинская Конституция является "политическим выражением огромных перемен во всей внутренней структуре страны и ее жизни"; "если искать одного слова для выражения этих перемен, то с известным правом можно сказать: сплоченность, консолидация (Н.Бухарин. Маршруты истории: Мысли вслух // Известия. 6.07.36).

¹⁴ Gabor T. Rittersporn. Stalinist simplifications and Soviet complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR 1933-1953. Paris, etc., 1991

¹⁵ А. Константинов. История и современность (По поводу книги Е. Тарле "Наполеон") // Правда. 10.6.1937.

¹⁶ Е. Тарле. Наполеон. М., 1936. С. 455.

¹⁷ Там же. С. 8, 115, 592.

¹⁸ Там же. С. 523.

¹⁹ Там же. С. 69-70.

²⁰ "Рабочий "должен быть сыт", – и префект Парижа с трепетом входил рано утром в императорский кабинет с ежедневным докладом о ценах на рынках" (Там же. С. 587-588). — "Если верить Тарле, Наполеон отечески заботился и о рабочих..." (А. Константинов. Указ. соч.).

²¹ Е. Тарле. Указ. соч. С. 595, 126-127.

²² Там же. С. 564-565.

²³ Там же. С. 141-143, 460, 490, 502, 510, 513, 541-544, 589).

²⁴ *Czy PRL była państwem totalitarnym?* Warszawa, 1991. Str. 7 (Цит. по: Тоталитаризм: что это значит? (Исследования зарубежных политологов). М., 1993. С. 261). Характерно, что в 1936 г. Сталин высказывался против предложения "указать в Конституции конечную цель советского движения, т.е. построение полного коммунистического общества". "Конституция есть регистрация и законодательное закрепление тех завоеваний, которые уже добыты и обеспечены. Если мы не хотим исказить этот характер Конституции, то мы не должны заполнять ее... декларациями о будущих завоеваниях", – утверждал он, отделяя Сталинский Основной закон от конституций 1918 и 1924 гг., открывавшихся "Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа" (Сталин. Указ. соч. С. 563). Одновременно проект Конституции ограничивал миссию ВКП(б) ролью "передового отряда трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя" и представительством ("представляющая") "руководящего ядра всех организаций трудящихся". Эти формулы были внесены в главу о правах граждан, а не в раздел о политическом устройстве СССР.

²⁵ А.Константинов. Указ. соч.

²⁶ Одна из сквозных тем самопредставления Сталина (сочетание простоты и гениальности, скромности и могущества), была лестно для него отражена в рассказе о пути Наполеона к верховной власти: "Показывать львиные когти преждевременно было ни к чему. Испытанный им прием простоты, прямоты, непосредственности, некоторой даже незатейливости и даже ограниченности был им обильно пущен в ход в течение всей первой половины брюмера 1799 года и вполне удался. Будущие рабы считали своего будущего властелина случайным удобным орудием. А будущий властелин ничего решительно против этого воззрения пока не имел... Но, как и всегда, он и тут оставался главнокомандующим, дающим общую директиву начинающемуся делу" (Е. Тарле. Указ. соч. С. 102). Незаинтересованная реконструкция событий в октябре-начале ноября 1799 г. и роли Бонапарта в подготовке 18 брюмера, заставила бы усомниться в адекватности ей заявления о "главнокомандующем, дающем общую директиву начинающемуся делу" (см. Н. Лукин [Рец. на кн. Е. Тарле. "Наполеон"]// Историк-марксист. 1937. Кн. 1(59). С. 157). Но это был сильный психологический и идеологический ход, по своей направленности близкий к исследованию роли Сталина в большевистских организациях Закавказья (предпринятому одновременно с подготовкой "Наполеона"). Комментируя исторические разыскания Берии о том, что "Сталин в 1896-1897 гг. в Тифлисской духовной семинарии руководил двумя марксистскими кружками", Троцкий иронически заключал: "Самим Сталиным никто никогда не руководил" (Л. Троцкий. Сталин. М., 1991. Т.1 С.39).

²⁷ Первая (и единственная, если не считать статей в "Правде" и "Известиях" 10 июня 1937 г.) рецензия появилась лишь в марте 1937 г. (Н. Лукин. Указ. соч.).

²⁸ В. Г. Роговин. 1937. М., 1996. С. 43-44.

²⁹ Известия. 20.8.36.

³⁰ К. Радек. Троцкистско-зиновьевская банда и ее гетман – Троцкий //Известия. 21.8.1936.

³¹ Утреннее заседание // Известия 21.8. 1936. Вечером 20 августа Прокурор Союза ССР Вышинский распорядился провести расследовании в отношении упомянутых на процессе деятелей бывших оппозиционных групп, в том числе – К. Радека (Известия 22.8.36).

³² Позднее Радек рассказывал: "Знал ли я до ареста, что это кончится арестом? Как я мог не знать об этом..." (Процесс. С.230).

³³ Процесс. С. 226.

³⁴ А. Я. Вышинский. Обвинительная речь на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра [22 августа 1936 г.]. М., 1936. С. 13, 34-35.

³⁵ А. Васнецов. Реставраторы капитализма и их защитники // Правда. 12.9.36; Троцкистско-зиновьевские бандиты – головной отряд капиталистической реставрации // Большевик. 1936. N 18; Б. Пономарев. Троцкистско-зиновьевская банда – прямая агентура фашистской буржуазии // Большевик. 1936. N 20.

³⁶ См. В. Г. Роговин. Указ. соч. С. 231-234.

³⁷ Л. Троцкий. Преданная революция. М., 1991. С.226-231.

³⁸ Процесс. С. 43, 47, 59, 60, 74.

³⁹ Там же. С. 59.

⁴⁰ Там же. С. 72.

⁴¹ Там же. С. 60.

⁴² Там же. С. 232.

⁴³ В отличие от других руководителей "блока", Радеку и Сокольникову смертный приговор был заменен тюремным заключением, что могло свидетельствовать о нежелании Сталина полностью отказаться от существования изложенных ими политических планов.

⁴⁴ О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников (Доклад товарища Сталина на Пленуме ЦК ВКП (б) 3 марта 1937 г.) // Большевик. 1937. N 7. С. 5.

⁴⁵ Распространенное представление о том, что инициатором этих публикаций являлся Сталин (мотивированное, вероятно, верой в его всемогущество) не получило документального подтверждения. Напротив, письменные и устные свидетельства устанавливают решающую роль Сталина в прекращении газетной кампании (Б. С. Каганович. Указ. соч. С. 59; К. И. Чуковский. Дневник. 1930-1964. М., 1994. С. 347). Более того, при гадательности версии о том, что Тарле удалось, по-видимому, в тот же день через кого-то обратиться к Сталину" (Б. С. Каганович. Указ. соч. С. 59), есть основания утверждать, что Тарле вообще узнал о статьях 10 июня после предписанного Сталиным заявления, что хотя их содержание правильно, книга о Наполеоне лучшая из немарксистской литературы и автора следует оставить в покое (От редакции // Правда. 11.6.1937; От редакции // Известия. 11.6.1937). "Шел конец недели (пятница), многие преподаватели, не занятые на экзаменах, уехали за город [...] Говорят, что Евгений Викторович, к счастью, был на даче и не успел прочесть газет с разгромными статьями", — вспоминал тогдашний аспирант кафедры новой истории ЛГУ (М. Б. Рабинович. Воспоминания долгой жизни. М., 1996. С. 40). По его свидетельству, центральные газеты вообще приходили в Ленинград на следующий день (там же).

⁴⁶ Дм. Кутузов. Против фальсификации истории // Известия. 10.6.37.

⁴⁷ Hanna Arendt. The origins of totalitarianism. N. Y., 1966. Ch. 10 (I). По этому поводу Сталин отчетливо высказался в заключительном слове на февральско-мартовском пленуме 1937 г., указав, что "ключ к непобедимости большевистского руководства" — быть "как Антей".

⁴⁸ Е. В. Тарле. Наполеон. М.: Госполитиздат, 1939. С. 306.

⁴⁹ См. J. Arch Getty. The origins of the Great Purge. The Soviet Communist Party reconsidered, 1933-1938. Cambridge, 1985; Gabor T. Rittersporn. Op. cit. "Организованный контроль масс, как и демократическая дисциплина партии, давно не существует. Преодолевать центробежные силы внутри бюрократии можно только завершением бонапартистского режима", — констатировал Троцкий, ограничивший свое видение историческими прецедентами (Л. Троцкий. Преступления Сталина. М., 1994. С.237).

⁵⁰ См. О. В. Хлевнюк. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 1930-е годы. М., 1993.

⁵¹ Мои соображения отчасти перекликаются (при полной несхожести отправных точек и способов анализа) с размышлениями А. В. Шубина о возможной альтернативе тому, что он называет "сталинской политикой": "В случае дальнейшего усиления автономных кланов в коммунистической партии, проведения более терпимой политики в отношении крестьянства и капиталистических элементов, СССР превратился бы в авторитарное государство с сильным государственным регулированием аграрно-индустриального хозяйства, структурное близкое к фашистскому государству типа Италии, хотя и с другой идеологией. Это могло быть началом конца тоталитарного режима, стартовым пунктом его эрозии, подобно той, которая началась в Восточной Европе в 50-е гг." (А.В. Шубин. Российская революция и большевистская диктатура //Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологии, движений, режимов. М., 1996. С. 79). Оставляя в стороне тему об уместности приведенных сравнений, необходимо отметить, что усиление клановых начал само по себе могло привести (и привело) лишь к дополнительным виткам террора; закрепление за групповыми интересами определенного места в общественной жизни, напротив, предполагало установление строгой иерархичности, свойственной авторитарным, а не тоталитарно ориентированным системам.